

Александр
Власов

Катрены
Сонеты

Александр Иванович Власов

Катрены. Сонеты

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564895

А. Власов. Катрены. Сонеты: ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2018

ISBN 978-5-907028-61-6

Аннотация

Наш современник, перенявший эстафету великих поэтов – от Петрарки до Шекспира и Пушкина – создает не только стихи, но и великолепные рисунки, которыми наполняет свои произведения. Новая книга Александра Власова объединяет катрены (четверостишия, имеющие заверченный смысл) и сонеты (стихотворения из 14 строк, в основе которых лежат два катрена и два трехстишия).

Книга предназначена для всех любителей поэзии, готовых оценить непревзойденное мастерство строки современного Мастера.

Содержание

Катрены	5
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Власов

Катрены. Сонеты

© Власов А., автор баллад и рисунков, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

*** * ***

Катрены

1

Тебя любить – ошибка не большая,
Не ласковой тебя тепло мечты.
Прекрасна ты всегда, как утро мая,
Как первая любовь, отрадна ты.

Взгляд юности и прелести счастливой
Божественно касается меня:
Души не знал я менее фальшивой,
Никто тебе как будто не родня.

Всё видится в тебе на восхищенье —
Твой тонкий нрав и дивное чутьё,
Для зла твоё сплошное неуменье,
Для резкости бессилие твоё!

2

С обиженных очей стекала влага,
Но в голосе не слышалась она;
Не сразу вник искавший только блага,
Что милая благим огорчена.

Чело в конце концов она склонила,
Тая черты, не молвя ничего,

Лишь яблоко в руке ещё хранила,
Но бросила дразняще есть его.

Прозрение приемля бессловесно,
Пропал и часто хмурился поздней,
Кто сразу как легко, так и чудесно
Не опроверг уста свои при ней.

3

Погибло от любви людей немало,
Но многие в забвение вошли:
Лишь изредка перо существовало,
Чьи строки лик оттуда б извлекли.

И всё же перья нужные даются,
А в чувстве том огромна ли нужда?
Коль скоро с ним излишне слёзы льются,
Милей без ложной ценности тогда.

Пускай не то развёртываться радо,
Не тем интересуются вдвойне, —
Любви предосудительной не надо,
Святой любви достаточно вполне.

4

Представили мне бедные пределы
Создание небесной стороны,
Создание, чьи пряди снежно-белы,

Ресницы же пленительно черны.

Хоть юное своё любодеянье
Страдальчески влагали в песнь уста,
Такое в них имелось обаянье,
Что проклял я весёлые места.

Забыл я вдруг о братии прелестной —
Певунья та питала забытьё:
Не смеющий бросать обузы крестной
Властительней бросающих её.

5

На верности настаивая строго,
Не думала, что свой наскучит ей,
Что воли предстоит искать ей много,
Что многие почудятся милей.

А кто милей лицу стези неверной?
Кто любит, им единственно дыша.
Не знать ему, что верности примерной
По праву ждёт и верная душа.

Но, требуя того, что невозможно,
Всего лишь отягчать ему часы:
Не быть одной богиней непреложно
Для жадного ловца любой красоты.

6

Порой гнести нужде неистребимой,
Все лучшие желания губя,
Чтоб алчущий дорвался до любимой,
Не милюя любимого себя.

Лишаешься над помыслами власти —
На что ни соглашаешься в алчбе!
Не трогают обидные напасти,
Не ранит отвращение к тебе.

Желание бездумное, простое
Тебя трясти способно до того,
Что кажется пустым и всё святое
На фоне сил избыточных его.

7

Для смеха за спиной войдя без стука,
Спросила подчинённого письму:
Дыхание нарезанного лука
В каморку не врывается к нему?

Сама красотка слёзы проливала,
Корпя над очищением его,
Но в ней, прекрасноюкудрой, оживала
Мария Магдалина оттого.

Подолгу же владеть одной личиной
Вовек ей не хотелось, и затем
Она живой возникла Коломбиной,
Раздетой для него почти совсем.

8

Откажется в сердцах он от желанной —
От тех и тех откажется равно,
Ведь ими влечь и гнать от богоданной
Всегда богопротивному дано.

Чутьём ища себе жены чудесной,
Не думал он и в сумраке ночей,
Что нрав её поистине небесный
Злокозненным окажется поздней.

Для мужа между тем она всё та же,
Не хнычет он о выборе своём:
Угодней всех ему дурная даже,
Всю жизнь ему терпимей с ней вдвоём.

9

Открылось ей до крайности несложно,
Что грешницы милей святош ему,
Что в этом ошибаться невозможно,
Оправдываться тоже ни к чему.

Тепло светясь улыбкой неизвестной,
Сударыня смутила пришлеца,
Почудилась ему такой прелестной,
Такой неузнаваемой с лица!

Напраслине, скликающей печали,
Противиться не стал он оттого,
Что мнимое шутивно обличали
И радостно смотрели на него.

10

Небесными глазами душу вынуть
Едва ли кто готов ещё нежней.
Сдаётся, что велит из жизни сгинуть —
И сгинешь от участливости к ней.

Минутами такое выраженье
Способно всё в тебе перевернуть.
У многих ей даётся постыженье,
Но друг её не может упрекнуть.

Устами жизнь её сентиментальна,
А сердце рвать ей свойственно, любя:
Для всех она, беспутная, реальна,
А призрачна лишь только для тебя.

11

В ней светится любовь и радость юга,
Но тень его глаза приобрели:
Две личности возникли друг для друга,
А вовремя друг друга не нашли.

В делах ему с женой вполне приятно,
В обители супруга солнце ей,
Но кажется, что счастье невозвратно,
Хоть их уста не стали холодней.

То счастье с ним, отобранное бездной,
Для девушки не менее мертво.
Не слушать ей надежды бесполезной,
Но что-то ждать украдкой от него.

12

Пожаловал, увидеть уповая
Творящую волнение в крови,
Ввиду того, что звонкой ночью мая
Во сне сказал ей что-то о любви.

Какую вдруг изведаль он истому,
Сказав о ней хотя бы в царстве сна!
Вино любви даётся молодому,
Потёртому не пить её вина.

Дышать ему зато соседкой зрелой,
Колени расставляющей, босой,
Вселяющей мечты походкой смелой,
Теплом и вкусно пахнувшей красой!

13

Не сблизились они, вздыхая тайно,

Бок о бок уж отвыкли жить они.
Возникло то, однако, не случайно,
Подобное бытует искони.

Всё съехало в иное непреложно,
Минувшему вернуться не дано,
Как юности вернуться невозможно,
Связавшей двух единожды хмельно.

Той свежести не будет и в помине,
Распался брак, уснул очажный свет.
Едва ли что скрепит их узы ныне,
Ведь общего меж ними больше нет.

14

Откуда вдруг у мытаря смурного
Во внешности возникло щегольство?
Сейчас ему поистине медово:
Любовница довольствует его.

Родной звезде, похоже, надоела
Вражда в его сени, и потому
Любовь его дурные будни съела,
Позволила поприрадовать ему.

Признательность очей судьбе негладкой
За счастье то настолько не суха,
Что вся предосудительность украдкой
Снимается с известного греха.

15

Лишась уединённости потребной,
Но всё ж ответив ангельской мольбе,
Ты смог узнать о чуткости волшебной
Души, помехи ставящей тебе.

Вернулся ты к улыбке беспечальной,
Но зрячая на помыслы твои
Не терпит их обидности начальной,
Не терпит их изменчивой семьи.

Легко покинуть ей твои границы,
Жестокость отчуждения любя,
А также преимущества теплицы,
Таинственной, прекрасной без тебя.

16

Лила благоухание богато
Черёмуха над речкой голубой;
Вниманием я радовал Эрато,
Но грусть имел, Урания, с тобой.

Твои сердца семьёй немногосумной
Вверяются томительной борьбе;
Ты скупо льстишь Эрато легкодумной,
Ты скупо льстишь, Урания, себе.

С тобой, чьё дело значимостью свято,
Останется боящийся стыда;
Не трудится друзей держать Эрато,
Ревнива к ним Урания всегда.

17

Молю молчком я душу дорогую
Во мне владеть обителью второй.
Небесное создание целую,
Как будто образ истины порой.

Прощение, приветливость и нежность
Я вижу вечножизненными в ней.
Благое бытие не безмятежность,
А в истине стоять ещё трудней.

Не следует, однако, охлаждаться,
Беспочвенные помыслы тая.
Воспринятой лишь истины держаться,
Не помнить о другом обязан я.

18

Любя, собой не будь, а чуть актёрствуй,

Подыгрывай наперснице своей,
С удвоенной способностью покорствуй
Для публики таким искусством ей.

Ценители вдали – играй вполсилы,
Но всё ж играй с единственной всегда:
Актрисе, ей красавцы, что ли, милы?
В удачливом актёре вся нужда.

Когда же ты не жалуешь искусства,
Не жаловать ей чуждой колеи,
Не в радость ей ни подлинные чувства,
Ни правила, ни данные твои.

19

Тепло очей любя с известной силой,
Не слеп я к окружающей красе.
Небесную мечтательность о милой
Рассеивать украдкой рады все.

Но ровно чтоб любить, я не задену
Затеями широкое чутьё,
Не то во всём узнаю перемену —
Узнаю много фей, забыв её.

Терпимо ли такое окаянство?
Мы в крайности впадать обречены.
Спокойному даётся постоянство.
Желанному не взвинчивай цены.
20

Разительной красой достойна бога —
Прощается падение твоё.
Зато, когда краса как есть убога,
Бичуется распущенность её.

В земной любви сильнейшему прекрасно:
За шалости не знать ему суда,
А женщине, живущей с ним опасно,
Падение не горько никогда.

Тщедушного гнушаются поспешно,
Тоска за ним идущей позади.
Не жди бичей, творя соблазн успешно,
Возмездия вослед осечке жди.

21

Позвольте ей в обычном утвердиться,
А даннику – в особенной красе,
Ему себя вести, как единица,
Владычице его – как ровно все.

Подобные ему цепей не носят,
Ей личного пошлите короля,
Но вправду ли немислимого просят,
Их уз и благоденствия моля?

Закончится война противоречий,
Хоть этого дождаться нелегко,
Появится меж ними мир овечий,
Притрётся, что крушило глубоко.
22

Отверженно скитаешься ты, счастье,
Желанное решительно для всех,
У всех одно встречая безучастье
Да веское скопление помех.

Являешься ко всем, а закрепишься
Не даст из осторожности никто;
Красой твоей всегда хотят упиться,
А время всё как будто бы не то.

Гонимое, навеки покидаешь,

Единожды неистово знобя;
На каждого напрасно ты взираешь,
А каждый лишь украдкой – на тебя.

23

Приснилось ей с отчётливостью были,
Как будто в нечестивое жильё
Супруг и мать ей сбивчиво звонили,
Крича, что дух исторгла дочь её.

Она возникла вновь у колыбели,
Где девочка безгорестно спала,
Но, собственной боясь уже постели,
Прийти в себя не смела, не могла.

Похитила потом у дорогого
Послания, ненужные ему.
Последнее в конверт упало слово.
Поныне рад он этому письму.

24

Где пара, там имеется любимый.
В изъянах уз ему не прекословь.
Ответствуй, диалектик осязательный,
Что лучше: власть иль явная любовь?

Известное хранит очарованье,
Кто нравится кому-то без затей,

Но вскармливать ему негодование
При чёрствости и хищности своей.

Другой, чьё сердце нежностью согрето,
Поддержку жнёт у круга своего:
Кого-то любит он, а многим это
Велит ещё сильнее любить его.

25

Телесно лишь изведенное диво —
Недорого ценить его дары,
Неправильно отскакивать и живо
Обидчивым участникам игры.

По ним игра должна быть идеальна,
Провинности виднеться роковой.
Отдельная проруха минимальна,
А кажется почти что мировой.

Стараются путём исчезновений
Быстрей забыть о грешной стороне,
Глухих её не слышат извинений,
Не думают о собственной вине.

26

Пришлось ему нечаянно ворваться
На зрелище прелестницы нагой.
Та шоркалась и в ванной закрываться
Не видела потребности благой.

По выходе смущение гасила
Живой непринуждённостью своей.
Помыть её посуду попросила,
Какие-то покупки сделать ей.

Поехало просительное слово,
Как если б ей хотелось одного:
Войдя в мозги счастливец молодого,
Во весь опор использовать его.

27

Над вышивкой ты голову склонила,
А мама над охапками шитья.
Резвится в голых икрах её сила,
В колготках ощущается твоя.

Котёнок, осторожный по природе,
Свернулся кротко в близости твоей.
При маме никого не видно вроде,
Но кто не присоседился бы к ней?

Нет, яблоко в ней кислое мне зримо,
При ней лишь огорчаюсь я всегда,
А радуюсь, и часто одержимо,
С тобой, сестрица райского плода.

28

Нелучшему задумываться вечно
Повелено о нежности большой,
Все тонкости в ней видя безупречно
По призраку тоскующей душой.

Любовь и речь её всего дороже
На практике нелучшим искони,
Горят они до гибели, похоже,
Магически пригожие – ни-ни!

Пригожими даётся чувство пытки
Чудовищно забытой нищете,
Венчают их – а те в любви не притки,
В любви нам интереснее не те.

29

Чьи прелести и мысли нездоровы,
Ценить иную вправе благодать.
Извечно пустякам они готовы
Значение большое придавать.

Округа хороша, но возрастает
Укромное моление: «Пиши!»
И весть из гиблой дали прилетает,
А в ней – тепло отзывчивой души.

Годами их общение лучилось.
Увы, земное время сочтено.
Однажды лишь увидеться случилось,
Увидеться ж ещё не суждено.

30

Показывать упорное презренье,
За вычетом одной, способны все.
Люблю встречаться молча, на мгновенье
С её глазами в ангельской красе.

Целящая глубокой бездной взора,
Спокойствием искрящихся светил,
Она мне не промолвила б укора,
Насколько б я себе ни повредил.

И сердце благодарность ей слагает
От радости, что кто-то в дни труда
Ни страху, ни стыду не подвергает,
А мыслям улыбается всегда.

31

Вверяя чуткий слух утехословью,

Меня смутишь эфирной скорбью ты.
Всегда смотри приветливо, с любовью,
Пускай не хуже грустные черты.

Согласен я, нет облака, что властно
Во вред идти небесной красоте,
Но ты взирай на друга безненастно,
По-прежнему переча маете.

Где низменно само благоговенье,
Где сердцу нет ответной доброты,
Собой ты представляешь исключенье:
К отсталому терпима только ты.

32

Немало благородства дорогого,
Глубокой жизни в голосе её.
Даётся петь ей несколько сурово,
Лелея предпочтении своё.

В ней сердце сохраняет обаянье
Заботе лишь её благодаря,
Питающей прекрасное сиянье
Способного погаснуть алтаря.

В устах её не чувствуется чудно

Весеннего цветения лилей,
Но зрелость, обретающая трудно,
Кому-то всякой свежести милей.

33

Блудник – и не бездарность и не гений.
Бежит он ото всякого труда.
Зато для виртуозных обольщений
Досуг и блеск иметь ему всегда.

Веселье – неотъемлемое свойство
По праву благодарного судьбе.
На диво недурное лишь устройство
Так остро заявляет о себе.

Не кажется никто в толпе несметной
Проблемой для такого одного.
Нюанс игрой как будто незаметной
Заметной силой делает его.

34

Не сразу ли предчувствие скребётся,
Что в деле с ней легко найти беду?
Но только позвала б она, сдаётся,
Повлётся б у неё на поводу.

Владела б если только точкой света,
С ней вечно б оставался на земле,

Поскольку безыскусна прелесть эта,
А вовсе не наигранна во мгле.

Где суть освобождается нагая,
Где гонится актёрское лганье,
Здоровое мышление пугая,
Блестит очарование её.

35

Безлюдным и печальным утро было.
Знакомый васильковым ивнякам
Увидел отдохавшую уныло
С разрезами на платье по бокам.

Осмелился приблизиться, понятно.
Блондинка не смотрела на него.
Однако произнёс он еле внятно,
Что милое в ней зримо существо.

Глазам его насытиться случилось,
И вскинула на миг она свои.
Вовсю у человека сердце билось,
У ней – слегка, но пели соловьи!

36

Цветущая сирень у дома рдела,
А дома, без отрады бытовой,
В углу, у подоконника, сидела

Красавица с поникшей головой.

Минуя свет её, неся лукошко,
По прихоти нечаянной своей
Немного постучал он ей в окошко,
Но также постучал и в сердце ей.

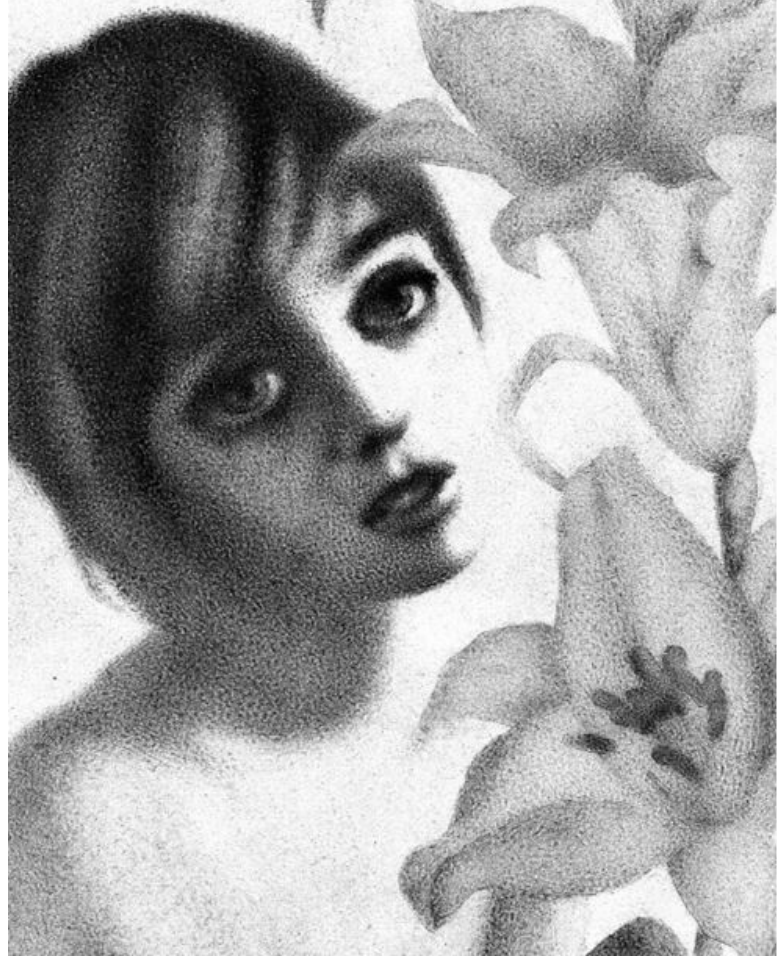
Средь музыки, белья, забот о пище
Грустившая на первом этаже —
Его скупая память о жилище,
С лица земли исчезнувшем уже.

37

На склоне дня, благого чрезвычайно,
Свой дом ему случилось обойти,
За шторой чтоб узреть её случайно
Совсем уже раздевшейся почти.

Повесила колье на статуэтку,
На клавишах оставила наряд,
Одну-другую бросила монетку,
Заколку, шоколадку – всё подряд.

AB.

38

Обычно пустяками развлекалась,
А душу волновала, как никто,
Божественно при встречах улыбалась
И принималась именно за то.

Когда стволы волнуются шумливо,
На пруд обильно сыплется листва,
На рябь одну другая мчится живо,
Но кажется, что глубь уже мертва.

Сонм уток улетучился беззвучно,
Доныне же, на холоде зыбей,
Два лебеда хранятся неразлучно,
Во мгле полдневной став ещё белей.

При них я мыслю с горечью безбрежной,
Что вымолвить ей то – не пустяки,
Чей голос обожаю глухо-нежный,
Чьи формы ног и белые чулки.

39

В окно проникла бабочка, но вскоре
Прелестницу жилая мерзлота
Повергла в сон и сделала на шторе
Бесчувственной для нежного перста.

Вернул ей жизнь очаг отрадной лаской,
Но что произошло с её красой?
Владели крылья те былой окраской
Без яркости и свежести былой.

Томимая всецело дрожью сильной
Легко рождала бабочка в избе
Сочувствие души любвеобильной,
Глубокое внимание к себе.

40

Досадно мне, смешному сумасброду,
Что голос утучнял я на неё,
Что сколько-то стеснял её свободу,
Храня раскрепощение своё.

Когда даётся сбоку пониманье,
Хоть если ты сбиваешься во мгле,
Когда с тобой подобное созданье,
Есть опиум отрады на земле.

Прощать её вперёд отныне буду,
Как лучшее сокровище любя.
Пусть ангелы помогут ей повсюду,
Прозрев её в грядущем у себя.

41

С распущенными косами на теле
Бессонной тенью девушка сидит
И, свечкой озаряясь еле-еле,
В огонь её задумчиво глядит.

Она красой достаточно воочью,
В избушке же натопленной одна.
Кого-то ждёт она метельной ночью,
Но тщетность ожиданию дана.

Надеждами горит она всечасно,
Где пьют от безнадёжности вино.
Во многом одиночество прекрасно,
Но душу разрывать обречено.

42

На стане колдовском её обнова
Даёт ещё сильнее страдать ему:
Кто скажет, отчего она медова,
А горек он единый почему?

Зачем она становится всё краше,
Коль скоро остаётся прежним он?
И с новой стрижкой шарма больше в Маше,
Неведомого жалким испокон!

Ей радостней всего, где многолюдно,
Но, пусть ему тогда всего грустней,
Доступными довольствоваться трудно,
Нетрудно оставаться верным ей!

43

Жена спросила в ходе некой сделки
Художника, чьи медленны труды,
Помыл он опустелые тарелки
Иль ей скомпоновал их у воды?

Покрыл он осторожной лессировкой
Пастозное взыскание скорей:
Когда-де заниматься компоновкой?
Набросок еле смог исполнить ей!

Посетовала та не без причины,
Что жизнь его – наброски лишь одни,
Красивой не создать ему картины,
Мытьё не для никчёмной пятерни!

44

В той музыке, что сердце тонко лечит
И левыми перстами рвётся петь,
Извечному порядку всё перечит,
Ища во всём иначе преуспеть.

Элегия протестной речью льётся,
В ней наше бытие исключено:
Духовному в ней первенство даётся,
Житейское назад оттеснено.

Там образ обаятелен и редок,
Усиленно себя хранить ему,
Где счастье пьётся только напоследок
И только торопливо потому.

45

Уста за дверью стали безголосы
Для ряженого принца своего:
Нескромными казались ей вопросы,
Простые по понятиям его.

Потом он откровенно осердился
На дверь её, достойную пинка,
К себе бегом обратиться потрудился,
Дивя слезой мишурность уголка.

Дверной звонок изгнал его тревоги,

Пришла малютка средством от тоски:

Бальзам – её танцующие ноги,

И бантики, и белые чулки.

46

Минувшей ночью девушка мне снилась.

Её любил я в давние года.

Вновь юной красотой она светилась,

А рядом я был юн и свеж, о да!

Терял я сон, искал его в покое,

Она же продолжала сниться мне.

Весенней ночью веяло былое,

Пока не пробудился я вполне.

Как мило ревновала дорогая,

В обиде полагая с дрожью рта,

Что лучшего достойнее другая,

Не та, что схожа с Матерью Христа!

47

За стёклами прохлада моросила,

Вы плакали, своё приемля дно,

Но спорила с превратностями сила,

Сознание теснившая давно.

Сознанию вы не были послушны,

Как я порой внушению чутья,

А то, что вы ко мне неравнодушны,
Задержанный, прекрасно понял я.

В согласии с минутой подходящей
Соблазном я зажёгся взаперти.

Шиповнику любви животворящей
На почве слёз отрадно расцвести.

48

Держаться мнил я тенью безразличной,
Но с просьбой вновь она ко мне пришла,
Чтоб ей блеснул улыбкой нелогичной
Ответного чуждающийся зла.

Ни в чём отказа не было бесценной:
С ней счастье мне, дыхание весны.
За дивные глаза на тверди брэнной
Даваться преференции должны.

Покинула поклонника царица,
Как раньше, в оживлённости большой,
Хоть этого, считал я, не случится,
Хоть я расстался с ангельской душой.

49

Тревожится поэт о пользе дела,
Не чувствуя уверенности в ней.
Сладчайшая свирель его не пела
Того, что воспевают иерей.

Но с ядом если всякие лекарства,
А мы приемлем их – и ничего,
Бежать из поэтического царства
Нелепо, несмотря на вред его.

Отдушиной служба среди вертепа,
Свирель освобождает от тоски.
Поляну красят очи курослепа,
А ниву – капли сора, васильки.

50

Где висится двойная колоннада,
Фонтан изящно бьёт ещё во мгле,
Показывая силе снегопада
Другое время года на земле.

Даётся неспроста к её портрету
Фонтан, ещё сияющий светло:
Она принадлежит иному свету,
Где весело, пленительно, тепло.

Прелестный блеск её сотрётся тоже
Суровостью чужого бытия,
Но девушкой, предельно редкой всё же,
Невольно очаровываюсь я.

51

В чернёной тьме волос её красиво
Повсюду кудри светлые видны,
Волшебному лицу же справедливо
Глаза потусторонние даны.

Люблю, когда на стан её надета
Та кофточка, что сладостно мягка,
В единстве с юбкой траурного цвета,
В единстве с белизной воротника.

Сидит она, вселяющая пламень,
Отсутствуя среди общей болтовни.
Для многих это сердце хоть и камень,
Однако драгоценному сродни.

52

Собрав у переносицы ладони,

Нимало не вверяя слуха мне,
Подружка наподобие тихони
Потупила глаза в немой войне.

Таинственная мысль её томила —
Сомкнуть уста настала мне пора.
В безмолвии с трудом она спросила,
Зачем отверг их общность я вчера.

На то пришлось ответственать окольно,
Что путаному чужд я бытию,
Где с Ольгой вторя Ленскому невольно,
Онегиным её сестре пою.

53

Умел он обретаться беспечально,
Подалее скрываясь от неё.
Со службой обстояло всё нормально,
Почти не беспокоило ворьё.

При ней же, поглощающей микстуры,
Жестоко ощущал он иногда
Ничтожество сухой своей природы,
Глубокое страдание стыда.

Казалось, ум исследует юродство,
Всё терпит искажение своё,

Где есть её святое благородство,
Зияющая бездна глаз её.

54

Вздыхается душе несовершенной,
Но помнится повсюду не вполне
То лучшее, что зримо во вселенной,
Что зримо зачастую только мне.

Во всех обнаружениях юдоли
Живу, боготворя твои черты,
Смотря подчас иначе, не по роли,
Смотря ясносияюще, как ты.

Красе твоей вседневно, без предела
Чудесная даётся новизна.

Как ты, знать, улыбалась и глядела
Впервые сотворённая весна!

55

Воспринятую роль она, возможно,
Считала жизнью подлинной своей,
Поэтому так верно, так неложно
Развёртывать игру случилось ей.

В актёрстве жизнь её была богаче,
Чем эта, всем открытая среда.
Жалеть ей пало дышащих иначе,

Влачащихся в убожестве всегда.

При ней же, вдохновляющей на книги,
Рискнули бы дожидаться молний вы,
Признав её воспитанницей Риги,
Не дочерью внушительной Москвы.

56

Напевное прельщает изоощренье,
Прельщает иногда сильнее всего,
Но слаще вслед орлиное паренье,
Высокая раскованность его.

Что пение, что горло птицы ранней,
Где крылья беспримерно хороши?
Крылатое безмолвие желанней
Звучания посредственной души.

Давая клясть орла родной цевнице,
Невольную любовь ему дарю:
По нраву быть – угодно певчей птице,
Не хочется – пернатому царю.

57

Напомнив о себе соседке встречной,
Полезным обнаружился сполна.
На выводах о жизни бессердечной
Смеялась, а не гневалась она.

Любезничая вроде театрала,
Не раз он оборачивался к ней.
С улыбкой на него она взирала —
Чудак и призадумался поздней.

Что люб он ей, мерещилось и прежде,
Но к ней не подбирался никогда
Вовсю сопротивлявшийся надежде,
Терявшийся пред яркостью труда.
58

Не с ней деля соседство, как обычно,
Но к ней дыша по-прежнему теплом,
О чём-то говорил он ей привычно,
Поблизости сидящей за столом.

Обидно отвечала дорогая,
Таила выражения лица,
Нимало с ним общаться не желая,
Словам его переча без конца.

Когда же, вопреки раздорам устным,
Устроились они наедине,
Его она кормила чем-то вкусным,
Улыбчиво воркуя в тишине.
59

Речам её несколько не мешала

Какая-то скупая хрипотца,
А вежливость их очень украшала,
Врезая впечатление в сердца.

Подчас упорно в сторону смотрели
Те светлые глаза с их остротой,
В присутствии простого пустомели
Холодной обладая красотой.

Волшебниц искони повсюду много,
В общении чуждающихся льда,
А та, в которой всё мерцало строго,
Казалась исключительной всегда.

60

Коль скоро чувство нежности лукавой
Нескромным означаетя чудно,
Безвкусием и действенной отравой
Становится безудержно оно.

Не высшей целью, ценностью подводной
Себя, любовь, осмысленно таи,
Счастливой мысля быть и благородной
Во мнениях, искусстве, бытии.

На зрелищные свойства не надейся,
Подвластных еле ведомо пронзай,

Вдали подобно призраку виднейся,
Поблизости туманом исчезай.

61

В речах она сойти благоволила
На бред, ошеломляющий с лихвой.
О дикости спокойно говорила,
Как будто о реальности живой.

Помыслил он уйти без канители,
Но шагом удивил её таким.
Уныло поднялась она с постели

И в общий коридор ушла за ним.

Удержанный серьёзно опасался,
Что голой так и в мир уйдёт она.
А женщина, прося, чтоб он остался,
Неволила посулами вина.

62

Безмолвие дышало непреложно
Порой не только первому письму —
На третьей почте было невозможно
Характер обнаруживать ему.

Писал ещё немного строк ей милых,
Ища расстаться волею Творца
Со странной жизнью призраков унылых,
Обид и трений полной без конца.

Пером обременялся принуждённо
Для терпящей терзание своё.

Казалось ей, что клясть её – резонно,
Далёкий же, скорей, любил её.

63

Всегда красы немало проходило,
Тревожа сон огня в его крови,
Знакомство же с одной не находило
Возможности лишать её любви.

Ничто в глаза как будто не бросалось
Из облика такого образца,
А нежное лицо не забывалось
И за душу хватало без конца.

По прелести лица бывало видно,
Что с ним она вовеки никому
Ранения не сделает обидно,
Тем более не даст уйти во тьму.

64

Не свойственно лишь ей держаться жалоб,
Известных от изрядной части фей.
Душа лишь ей подобных обожала б,
А близко не найти подобных ей.

Запросами смиришься безотчётно,
Фатальную красавицу любя,
Согласие на всё найдёшь охотно,

Что можно лишь иметь ей для тебя.

Сердца благих ей только чуть отрадны:
Приходится дарить им и своё,
Провидя то, что крайне беспощадны
Последствия для любящих её.

65

Порой покинуть истина готова
Сожитие приемлющего с ней,
Поздней чтоб оценил он её снова,
Раскаялся в измене чтоб острей.

Поклонник обладает ею чудно,
Ревниво обладает им она.
Пожизненно владеть, однако, трудно —
Кому такая власть уделена?

Терзающийся грубостью безбожной
Прельщается химерами скорей,
Бежит от жизни подлинно возможной,
От брачной жизни с истиной своей.

66

Давалась ей во сласть его опека,
А женщина скрывалась от него,
Как призрак от живого человека,
С ним общего не видя ничего.

Потом, узрев ясней своё болото,
Помыслила вернуть его к себе,
К идее для неё пойти на что-то,
Чтоб опиума дать ей по мольбе.

Признав её, однако, над могилой,
Признав её погибшую красу,
Молчком он отвернулся сам от милой,
Доверился лихому колесу.

67

Лавируя, не к тем она попала,
Кто нежится в обмане без конца,
А к ищущим от самого начала
Признаний достоверных у лжеца.

Не многих обретавшихся бескрыло
Морочили словесные ручьи,
Но дева забывала то, что было,
Наслаивая выдумки свои.

Известности не ведала б едва ли,
Да сгрёб её болезненный застой,
Когда плачевно пряди ниспадали,
И крестик извлекался золотой.

68

Пробор его томя прикосновеньем,
Имела речь о смысле гребешка.
Подстриженный внимал ей с удивленьем
И силился понять её слегка.

Пришлось узнать ей слабости людские
Иль исподволь уведомить его,
Что более за выходки мужские
Не сердятся на друга своего?

Лишась алчбы, владеющей царями,
В угодниках увидев идеал,
Её шаги не тщетно за дверями
Из множества других он отличал!

69

Одно плечо таится благочестно
Кудрями с их особенной длиной,
Другое обнажается прелестно
Сползающей для друга пеленой.

Сокровные ему чужими стали,
Приветливой чужая стала вдруг.
У ней блестит улыбка без печали,
Всегда для встреч имеется досуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.